

Концепция равной и неделимой безопасности в Евразии: теоретический анализ

Гайдаев О. С.^{*}, Коваленко В. Д., Лисенкова А. Д.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

^{*} e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-5970-3726

РЕФЕРАТ

В рамках статьи предпринимается попытка оценить практическую возможность построения архитектуры равной и неделимой безопасности в Евразии, а также выявить основные факторы, препятствующие реализации этой цели. Материалом для анализа послужили результаты Всероссийской зимней онлайн-школы «Международные конфликты и глобальная безопасность», проходившей в период с 4 по 6 февраля 2024 г. на базе Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Цель. Выявить и обобщить эмпирико-теоретические ограничения концепции неделимой безопасности в контексте построения инклюзивной и устойчивой архитектуры безопасности в Евразии.

Методы. Применены методы научной дискуссии с последующим теоретическим анализом материалов Всероссийской зимней онлайн-школы «Международные конфликты и глобальная безопасность».

Результаты. В ходе работы стало возможным выделить несколько перспективных направлений отечественной научной дискуссии о равной и неделимой безопасности в Евразии. Во-первых, изучение глобальных факторов, таких как динамика и характеристики современных международных конфликтов, а также роль и воздействие новых технологий на общество и межгосударственные отношения. Во-вторых, обсуждение возможностей и перспектив сотрудничества России с государствами Евразии и других континентов в рамках более инклюзивного Большого Евразийского партнерства.

Выводы. Исследование показало, что формирование равной и неделимой безопасности в Евразии затрудняет наличие ряда ограничений эмпирического и теоретического характера. К сложностям эмпирического характера можно отнести продолжающийся рост конфликтности в мире, динамичность событий, отсутствие мирового порядка, преобладание разнонаправленных интересов и фундаментальные расхождения подходов европейских и евразийских держав к построению нового миропорядка. Своеобразным «черным лебедем» служат цифровые технологии, способные как увеличивать эффективность государственного управления, так и порождать более жесткие формы социального контроля и воспроизводить небезопасность. К ограничениям теоретического характера следует отнести противоречие между универсалистской природой концепта неделимой безопасности и идей ее локального применения, т. е. на евразийском пространстве. Существенным затруднением выступает также государствоцентризм концепции, а также сложность реализации неделимой безопасности в условиях отсутствия «неделимой справедливости» в отношениях суверенных государств. Авторы статьи заключают, что, несмотря на указанные недостатки, данная концепция обладает практическим потенциалом и является одним из перспективных проектов построения нового миропорядка.

Ключевые слова: неделимая безопасность, международные конфликты, безопасность в Евразии, невоенная безопасность, региональная безопасность, энергетическая безопасность, новый миропорядок

Для цитирования: Гайдаев О. С., Коваленко В. Д., Лисенкова А. Д. Концепция равной и неделимой безопасности в Евразии: теоретический анализ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 4. С. 97–108.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-97-108>. EDN: UDAKHF

The Concept of Equal and Indivisible Security in Eurasia: A Theoretical Analysis

Oleg S. Gaidaev*, Vladimir D. Kovalenko, Alena D. Lisenkova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-5970-3726

ABSTRACT

The article analyses the practical feasibility of building an architecture of equal and indivisible security in Eurasia and identifies the main factors obstructing the realisation of this goal. The analysis is based on the results of the All-Russian Winter Online School “International Conflicts and Global Security”, which was held from 4 to 6 February 2024 at the North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Aim. To identify and summarise the empirical and theoretical limitations of the concept of indivisible security in the context of building an inclusive and sustainable security architecture in Eurasia.

Methods. The methods of scientific discussion followed by theoretical analysis of the materials of the All-Russian Winter Online School “International Conflicts and Global Security” were applied.

Results. In the course of the study it became possible to identify several promising directions of Russian scientific discussion on equal and indivisible security in Eurasia. First, the study of global factors, such as the dynamics and characteristics of contemporary international conflicts, as well as the role and impact of new technologies on society and interstate relations. Second, discussing the possibilities and prospects for Russia’s co-operation with the states of Eurasia and other continents within the framework of a more inclusive Greater Eurasian Partnership.

Conclusions. The study shows that the formation of equal and indivisible security in Eurasia is hampered by a number of empirical and theoretical limitations. Empirical difficulties include the continuing growth of conflicts in the world, dynamic events, the absence of a world order, the prevalence of competing interests and fundamental differences between the approaches of European and Eurasian powers to building a new world order. A kind of “black swan” is digital technologies, which can both increase the efficiency of public administration and generate more rigid forms of social control and reproduce insecurity. The theoretical limitations include the contradiction between the universalist nature of the concept of indivisible security and the idea of its local application, i.e. in the Eurasian space. The state-centrism of the concept, as well as the difficulty of implementing indivisible security in the absence of “indivisible justice” in the relations of sovereign states are also significant difficulties. The authors of the article conclude that despite these shortcomings, this concept has practical potential and is one of the promising projects for building a new world order.

Keywords: indivisible security, international conflicts, security in Eurasia, non-military security, regional security, energy security, new world order

For citation: Gaidaev O. S., Kovalenko V. D., Lisenkova A. D. The Concept of Equal and Indivisible Security in Eurasia: A Theoretical Analysis // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 97–108. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-97-108>. EDN: UDAKNF

Введение

В Послании Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. была вновь подчеркнута идея о формировании в обозримой перспективе «нового контура равной и неделимой безопасности в Евразии»¹. В общем виде под термином «неделимая безопасность»² можно понимать международно-правовой принцип, согласно которому государства воздерживаются от укрепления собственной безопасности за счет безопасности других государств, стремясь к обеспечению равной безопасности для всех. По своей сути неделимая безопасность указывает на универсальный характер безопасности в мире. В контексте построения неделимой безопасности в Евразии, речь, таким образом, не может ограничиваться лишь географическим пространством Евразии: необходимо говорить о едином комплексе глобальной безопасности и миропорядке в целом.

Сказанное выше поднимает ряд актуальных для современной международной политики вопросов. Насколько реализуема идея неделимой безопасности на практике? Какие факторы служат препятствиями на пути к ее реализации? Какова роль новых, крупных игроков, например Китая и Индии? Наконец, возможно ли на практике воплотить принцип неделимой безопасности во внешнеполитической деятельности государств Евразии?

Обсуждению этих и многих других вопросов была посвящена Всероссийская зимняя онлайн-школа «Международные конфликты и глобальная безопасность», проведенная с 4 по 6 февраля 2024 г. на базе Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС)³. Ее программа включала в себя лекции и мастер-классы от ведущих отечественных ученых и специалистов-практиков по актуальным проблемам международной безопасности.

На базе собранного материала авторы настоящей статьи предпринимают попытку обобщить результаты актуальных научных изысканий по данной проблематике и ответить на два вопроса: во-первых, возможна ли на практике реализация принципа неделимой безопасности в Евразии, и, во-вторых, какие факторы служат препятствиями на пути к реализации принципа неделимой безопасности.

Современные конфликты и феномен «новой международнойности»

Главным эмпирическим возражением против формирования в обозримой перспективе неделимой безопасности в Евразии служит статистика международных конфликтов. Их количество в мире за последние годы достигает рекордных значений за всю историю наблюдений [26]. Этот рост обусловлен ожесточающейся борьбой различных международных сил, обладающих разнонаправленными интересами.

К отличительным чертам современных международных конфликтов можно отнести: их асимметричность, высочайший уровень интернационализации, затяжной характер, множественный характер участников, а также ярко выраженное ценностное измерение. Высокий уровень интернационализации вместо ожидаемого скорейшего урегулирования приводит лишь к столкновению разнонаправленных

¹ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 03.03.2024).

² Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт [Электронный ресурс] // OSCE website. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 05.03.2024).

³ Петербургский кампус Президентской академии провел Всероссийскую зимнюю онлайн-школу [Электронный ресурс] // РАНХиГС Санкт-Петербург (сайт). URL: <https://spb.ranepa.ru/news/peterburgskij-kampus-prezidentskoj-akademii-provel-vserossijskuyu-zimnyuyu-onlajn-shkolu/> (дата обращения: 22.02.2024).

частных интересов, придающих конфликту новые грани. Особо остро здесь стоит вопрос новых акторов, претендующих на пересмотр своего места в системе международных отношений. Укрепляется экономическое и политическое лидерство Китая, все большую роль играет Индия.

Главным международным трендом становится интернационализация внутрисударственных конфликтов: за период с 2000 по 2022 г. количество таких конфликтов возросло более чем в пять раз в абсолютном значении и в четыре раза в процентном соотношении (до 40% всех международных конфликтов с участием государств) [25, с. 10].

Показательным примером на евразийском пространстве может служить современная история нагорнокарабахского конфликта, характерной особенностью которого является высочайший уровень интернационализации и зависимости от внешних акторов [7, с. 16]. В урегулирование так или иначе вовлечен целый ряд международных акторов: Россия, США, ЕС, Турция, Иран, Франция и др. [16]. Длинный список посредников, включая в том числе Китай, тем не менее не способствовал скорейшему урегулированию, т. к. заинтересованные акторы видят в конфликте лишь возможности для упрочения собственного влияния в регионе. Более того, карабахский кейс представляет собой яркий пример столкновения двух основополагающих и часто противостоящих друг другу международно-правовых доктрин: права народов на самоопределение и принципа территориальной целостности государства.

Столкновение этих двух доктрин имеет место в подавляющем числе современных международных конфликтов с участием государств. В свою очередь, неразрешимость дилеммы «право на самоопределение — территориальная целостность» служит фундаментальным ограничителем принципа неделимой безопасности. Все это так потому, что в условиях формального равенства суверенных государств и отсутствия верховного арбитра не может существовать «неделимой справедливости»: каждое государство всегда вольно выбирать собственную интерпретацию происходящего, склоняясь в пользу той или иной международно-правовой доктрины. Неделимая безопасность, таким образом, может быть достигнута лишь в условиях наличия влиятельного регулятора международных отношений либо путем серьезных компромиссов в вопросе ценностей и справедливости. Приходится констатировать, что ни то, ни другое не прослеживается в обозримой перспективе.

Европа и Большое Евразийское партнерство

Одним из очевидных препятствий на пути к формированию неделимой безопасности в Евразии служат фундаментальные различия в подходах европейских и евразийских держав к построению нового миропорядка. Несомненно, многое в этом вопросе будет зависеть от исхода противостояния России и «коллективного Запада» на Украине. Однако уже сейчас важно предвидеть возможные «болевы точки» в преодолении конфликтных отношений России и Запада в «пост-украинскую» эпоху. Вполне вероятно, что одной из таких проблемных зон вновь станет регион Балканского полуострова, исторически приходившийся ареной столкновения разнонаправленных интересов европейских и азиатских держав [15].

Реализация принципа неделимой безопасности в контексте международной политики на Балканах неизбежно подразумевает превращение Балканского полуострова из арены соперничества мировых держав в пространство сотрудничества между ними. Эта задача представляется чрезвычайно трудной.

Высокая степень интернационализации также была характерна для югославских войн: хорватско-го [5, с. 74–75, 83, 85] и боснийского конфликтов [8, с. 205–206]. Сложная история противостояний, причины которых остаются неразрешенными до сих пор, дополняется и рядом опасных современных тенденций. К их числу известный отечественный балканист Е. Г. Пономарева относит, в частности, распространение в регионе идеологии радикального ислама, а также реабилитацию нацизма и фашизма¹.

Балканский полуостров, являясь также главной энергетической артерией Европы, указывает и на другую «болеву точку» в преодолении конфликтных отношений России и Запада: вопрос энергетической безопасности. Очевидно, что Россия и Европейский союз по-разному подходят к пониманию этого

¹ Пономарева Е. Балканский рубеж России [Электронный ресурс] // Балканист. 16.01.2019. URL: <https://balkanist.ru/balkanskij-rubezh-rossii/> (дата обращения: 04.03.2024).

вопроса. Так, если Россия заинтересована в стабильных и безопасных маршрутах поставки энергоносителей, то в ЕС преобладает установка на секьюритизацию российских энергоносителей и их представление в качестве «энергетического оружия» [30].

Так, согласно Внешней энергетической стратегии ЕС (2022), объединение отдает предпочтение «зеленой» энергетике, тогда как риторика в отношении российских энергетических ресурсов существенно ужесточилась¹. Это проявилось и в принятии Плана по отказу от российских ископаемых видов топлива до 2030 г. (REPowerEU)².

Однако происходящие на европейской политической арене изменения предоставили возможность евроскептикам увеличить свою представленность по результатам выборов в Европейский парламент 2024 г. [9, с. 439]. Часть из них куда более позитивно смотрит на энергетическое сотрудничество с Россией. Эти обстоятельства, вкупе с сохраняющейся ограниченностью полномочий Европейского парламента, приводят к фракционной раздробленности и турбулентности для всей европейской подсистемы безопасности. Перспективы участия Европейского союза в евразийской архитектуре безопасности остаются, таким образом, стратегически неопределенными.

Ближний Восток и Африка: на пути к инклюзивной безопасности

Универсальный характер идеи неделимой безопасности делает саму постановку вопроса в Евразии спорной: ведь если безопасность за пределами Евразии может быть «делимой», то никакой подлинной неделимой безопасности быть в таком случае не может. Речь, таким образом, будет идти лишь о некой форме коллективной безопасности, предполагающей возможность стран региона коллективно противостоять угрозам извне.

Однако такой формат превращает идею неделимой безопасности в фикцию, ибо допускает выборочное обеспечение региональной безопасности за счет безопасности внерегиональных государств. Именно поэтому, говоря о неделимой безопасности в Евразии, следует иметь в виду только инклюзивную безопасность: открытую для всех государств и народов, ориентированную на устойчивый мир и сотрудничество. Следовательно, фокус внимания специалистов не может ограничиваться лишь пространством Евразии и должен охватывать как минимум сопредельные регионы и континенты: Африку и Ближний Восток. Несмотря на очевидную потребность в безопасности, на сегодняшний день в регионе Ближнего Востока фактически отсутствует многосторонний процесс, направленный на формирование и поддержание региональной стабильности. Эксперименты с силовым вмешательством ряда западных стран в дела региона оказались несостоятельны [6], а в условиях обострения израильско-палестинского конфликта построение региональной архитектуры безопасности и вовсе перестало быть политической опцией. В то же время очевидно, что формирование неделимой безопасности в Евразии будет попросту невозможно без нормализации политической обстановки и создания устойчивой архитектуры безопасности на Ближнем Востоке.

Африка за прошедшие сорок лет представлялась не иначе как «...рай пессимиста, место, где гоббсовская гипотеза о том, что в отсутствие политического Левиафана жизнь индивидов будет мерзкой, жестокой и короткой, кажется, широко проявляется в повседневной жизни» [19, с. 219]. Однако в последнее десятилетие страны африканского континента добились значительных успехов в формировании собственной, инклюзивной архитектуры региональной безопасности. С другой стороны, события лета–осени 2023 г. в Республике Мали и Республике Нигер показывают, что континент также может стать ареной противостояния крупных международных игроков за ресурсы и политическое влияние. Недавняя смена КНР своей стратегии взаимодействия с африканскими государствами³ демонстрирует небезосновательность этого вектора развития ситуации. Важно, что и Индия также начинает играть все большую

¹ EU external energy engagement in a changing world [Электронный ресурс] // EUR-Lex (website). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=JOIN%3A2022%3A23%3AFIN&qid=1653033264976> (дата обращения: 22.02.2024).

² REPowerEU [Электронный ресурс] // European Commission (website). URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal/repower-eu-affordable-secure-and-sustainable-energy-europe_en (дата обращения: 22.02.2024).

³ Янькова А., Кондакова К. Интересы Китая в Африке // РСМД. 01.11.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesy-kitaya-v-afrike/> (дата обращения: 08.03.2024).

роль. Например, в 2015 г. на индийско-африканском форуме в ЮАР премьер-министр Индии Нарендра Моди подчеркнул общность судеб Индии и Африки в борьбе против колониализма и указал, что именно в ЮАР Махатма Ганди вывел свой принцип борьбы ненасилием «сатьяграха».

Заслуживает внимание опыт некоторых африканских регионов: эксперты, с одной стороны, признают ведущую роль государства в обеспечении безопасности, с другой стороны, склонны рассматривать в качестве референтного объекта безопасности не только государство и его суверенитет, но и различные этнические сообщества, обращаясь к изысканиям Уэльской школы исследований о международной безопасности и теории эмансипации К. Бута [18].

Это наблюдение представляется важным с точки зрения развития концепта неделимой безопасности в Евразии. Опыт африканского регионализма показывает, что создание инклюзивной архитектуры региональной безопасности предполагает не только сотрудничество государств и создание многосторонних диалоговых площадок¹, но и гуманистическую направленность этого сотрудничества.

Вызов новых технологий и «культ безопасности»

К проблемам глобальной безопасности, имеющим прямое отношение к безопасности евразийских стран, относятся не только риски ядерных войн, экологических кризисов или нелегальной миграции, но также вызовы новых технологий [11; 27]. «Цифровой разрыв», несправедливость в доступе к цифровым технологиям и инновациям, несамостоятельность некоторых государств в управлении цифровой трансформацией² [22; 28; 29] — все это будет выступать конфликтогенным фактором и оказывать серьезное воздействие на построение равной и неделимой безопасности в Евразии [14].

С вызовом в лице новых технологий отчасти связано и такое современное международное явление, как «культ безопасности» [13]. Данный термин служит метафорой, описывающей четыре тенденции международной политики: расширение трактовки безопасности, использование страха как политической технологии «инсекьюритизации» [17], медиатизация публичной политики и связанные с этим явления «экранификации» [12] и «инфотейнмента» (англ. — *infotainment*), а также укрепление в ряде западных стран феномена т. н. тоталитарной демократии (англ. — *totalitarian democracy*) [23].

Каждая из представленных тенденций не оказывает критического влияния на глобальную безопасность, однако взятые вместе они задают общий вектор развития мировой политики в сторону от ценности свободы к ценности безопасности. Этот процесс парадоксальным образом приводит не к повышению, а к снижению общего уровня международной безопасности.

Укреплению негативных тенденций способствуют современные медиатехнологии, поощряющие художественные сюжеты в политике, заранее «раздающие роли» протагонистов и антагонистов, конструирующие социальную реальность политиков и обывателей. Все это происходит на фоне явного кризиса демократии и либеральных ценностей [1], когда страх и паранойя становятся движущими силами мировой политики и американского тоталитаризма [23], в частности.

Описанные тенденции, характерные для развитых обществ Запада, свидетельствуют о наличии еще одного вызова для построения неделимой безопасности в Евразии: как, выражаясь экономическими терминами, обеспечить глобальную «конкурентоспособность» идеи о неделимой безопасности в условиях усиления тоталитарных тенденций в современных демократиях, доминирования дискурсов страха и угроз, поощряемых современными медиатехнологиями.

Обсуждение результатов

Обобщая, можно выделить целый ряд ограничений эмпирического и теоретического характера, затрудняющих формирование равной и неделимой безопасности в Евразии.

¹ About the Forum [Электронный ресурс] // Tana Forum website. URL: <https://tanaforum.org/about/> (дата обращения: 24.02.2024).

² Burrows M., Manning R. A. The Top Ten Global Risks of 2023 [Электронный ресурс] // The National Interest. 19.12.2022. URL: <https://nationalinterest.org/feature/top-ten-global-risks-2023-206027> (дата обращения: 23.02.2024).

Во-первых, к эмпирическим трудностям, препятствующим построению инклюзивной архитектуры безопасности в обозримом будущем, следует отнести продолжающийся рост конфликтности в мире, обусловленный отсутствием мирового порядка и нарастающей турбулентностью мировых процессов. Серьезным дестабилизирующим фактором служат фундаментальные расхождения подходов европейских и евразийских держав к построению нового миропорядка и преобладание разнонаправленных интересов. Наиболее явно расходятся интересы России и Европейского союза в обеспечении энергетической безопасности. Негативный тренд, судя по всему, сохранится в краткосрочной перспективе, однако дальнейшие перспективы участия ЕС в евразийской архитектуре безопасности остаются стратегически неопределенными. Серьезные политические разногласия сохраняются и среди некоторых евразийских держав, в частности между Китаем и Индией. Частично Индия претендует на ряд функций в мировой системе международных отношений, которые выполняет на данный момент Китай. Большое количество дешевой силы, экономические возможности «низкой базы» инфраструктуры Индии делают из нее не просто регионального, а глобального конкурента Китая. Ситуация осложняется нерешенными территориальными разногласиями, неприятием Индией китайских интеграционных инициатив. С другой стороны, антиколониальная риторика Индии и стран Глобального Юга определяют их по ряду вопросов ситуативным союзником Китая.

Во-вторых, одним из наиболее сложных препятствий на пути к неделимой и равной безопасности в Евразии служит хроническая политическая нестабильность в регионе Большого Ближнего Востока. Представляется, что государствам региона следует внимательнее присмотреться к опыту интеграции в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Именно такой формат, вероятно, наиболее отвечает нуждам стран региона, не готовых к скорейшему решению чувствительных проблем, но расположенных к диалогу по многоэтапному формированию региональной архитектуры безопасности.

В-третьих, «черным лебедем» международной безопасности служит развитие новых, цифровых технологий. С одной стороны, эти технологии увеличивают эффективность государственного управления, способствуя переходу национальной экономики к новому технологическому укладу [4]. С другой стороны, они же способствуют воспроизводству жестких форм социального контроля, что зачастую не уменьшает, а приумножает общественные страхи и небезопасность.

При этом очевидным конфликтогенным фактором служит увеличивающийся цифровой разрыв в странах Евразии, а также деструктивные тенденции в области медиатизации публичной политики и формирование «культы безопасности» в ряде западных стран. Все это, по-видимому, требует скоординированной информационной политики ведущих евразийских держав.

Идея построения равной и неделимой безопасности также сталкивается с рядом фундаментальных проблем теоретического характера.

Во-первых, сама постановка вопроса о неделимой безопасности в Евразии не лишена противоречий. Неделимая безопасность как универсальный международно-правовой принцип подразумевает отказ государств от укрепления собственной безопасности за счет безопасности других стран. Ограничиваясь же каким-либо географическим пространством, идея о неделимой безопасности становится фикцией, ибо такой формат архитектуры безопасности перестает быть инклюзивным и допускает выборочное использование принципа, т. е. обеспечение безопасности стран региона за счет внерегиональных акторов. Таким образом, рассуждая о неделимой безопасности в Евразии, следует говорить о максимально инклюзивном пространстве сотрудничества, открытом для всех государств и народов мира. Напротив, рассуждая о Евразии как замкнутой «социокультурной системе» [10 с. 134] и ограничиваясь исключительно ее рамками, можно говорить лишь о некоей форме коллективной безопасности, предполагающей возможность стран региона коллективно противостоять угрозам извне.

Во-вторых, фундаментальным ограничителем принципа неделимой безопасности выступает дилемма «право на самоопределение — территориальная целостность». Данная проблема отчетливо проявилась во времена югославских войн, на фоне украинского кризиса, а также, вероятно, проявится в будущем в связи с тайваньским вопросом. Суть дилеммы состоит в том, что в условиях формального равенства суверенных государств и отсутствия верховного арбитра каждое государство вольно иметь

собственную интерпретацию международной справедливости, в различных международных ситуациях склоняясь либо в пользу доктрины права народов на самоопределение, либо в пользу доктрины территориальной целостности государства. Это отсутствие своего рода равной и «неделимой справедливости» делает невозможным достижение неделимой безопасности. Для этого потребуются либо серьезные компромиссы в вопросе ценностей, либо наличие авторитетного и влиятельного регулятора международных отношений. Ни то, ни другое не прослеживается в обозримом будущем.

В-третьих, существенным ограничением концепта неделимой безопасности можно назвать ее исключительный государствовцентризм. Сама по себе постановка государства в центр интереса не является ошибкой, поскольку, как отмечают специалисты, «государство все еще имеет статус привилегированного игрока, который исторически заведовал вопросами безопасности и приспособлен для этого наиболее оптимально» [20, с. 37]. С другой стороны, очевидно, что государство не может быть единственным референтным объектом безопасности, а конечной целью любой политики в сфере безопасности является благополучие людей и народа, которому призвано служить государство. В этой связи представляется важным правильно обозначить акценты в политике построения региональной архитектуры безопасности в Евразии, уделяя внимание не только неделимой безопасности в отношениях между государствами, но и, к примеру, органичному диалогу народов и культур континента.

Заключение

Наращение международной конфликтности, неготовность к политическим компромиссам, двойственное влияние новых технологий, а также столкновение противоречивых международно-правовых доктрин — все эти и многие другие факторы скорее указывают на невозможность построения равной и неделимой безопасности в Евразии в обозримой перспективе.

Означает ли сказанное, что от данной идеи следует отказаться как от очевидной идеалистической иллюзии? Неделимая безопасность, без сомнений, является утопией, но утопией необходимой. Утопия является составным элементом международной политики в той же мере, в какой ей является реальность. В этой связи справедливой представляется оценка одного из классиков политического реализма в теории международных отношений Эдварда Карра: «...чистый реализм не может предложить ничего, кроме неприкрытой борьбы за власть, которая делает невозможным любое международное сообщество. Разрушив нынешнюю утопию оружием реализма, мы должны построить новую утопию, которая однажды падет от того же оружия» [21, с. 87]. Текущие обстоятельства во многом напоминают обстановку конца 1930-х гг., когда были написаны эти строки. Современные регуляторы международных отношений уже не способны сдерживать возрастающую конфликтность в мире, а проекты нового миропорядка точно «разбросаны на множестве частных чертежных досок, и проект ни одного из них еще не утвержден» [2, с. 140]. Идея построения равной и неделимой безопасности в Евразии является одним из таких перспективных проектов, который имеет шансы на частичную реализацию. Для этого в первую очередь необходима суверенизация евразийского научно-образовательного пространства [3], организация широкой экспертной дискуссии и политического диалога с привлечением специалистов различных государств Евразийского континента.

Литература

1. Баранов Н.А. Мировая политика в условиях геополитической неопределенности: тренды и перспективы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. № 19 (3). С. 486–504. EDN: UYTYSH. DOI: 10.21638/spbu23.2023.309
2. Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота. Утрата чувствительности в эпоху текучей современности. М.: ИД Ивана Лимбаха, 2019. 368 с. ISBN: 978-5-89059-355-9.
3. Глазьев С.Ю. О суверенизации евразийского научно-образовательного пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 4. С. 9–10. EDN: FVBZNP. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-9-10

4. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М. : ВладДар, 1993. 310 с. ISBN: 5-86209-003-7. EDN: YSXIUUV
5. *Гуськова Е.Ю.* Балканский опыт миротворчества в современных условиях // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 3 (60). С. 72–88. EDN: YMZUUN. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-3-60-72-88
6. *Демкин И.Л.* Ливийская проблема во внешнеполитической деятельности стран ЕС // Закон и власть. 2022. № 3. С. 3–8. EDN: RVLWCSJ
7. *Коновалов В.Н., Погосян Г.К.* Нагорно-Карабахский конфликт в контексте теории секьюритизации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 8 (85). С. 13–17. EDN: OSMXUX. DOI: 10.24158/пер.2020.8.1
8. *Коренев Е.С.* Операции НАТО в Боснии и Герцеговине в контексте реализации региональной стратегии Альянса на Балканах в 1990–2000-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 202–207. EDN: ZGFWZB. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-202-207
9. *Лисенкова А.Д.* Партии «Альтернатива для Германии» и «Левая» в восточных землях: трансформация электоральных предпочтений // Регионология. 2023. Т. 31. № 3. С. 426–441. EDN: RBFUJN. DOI: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441
10. *Мелешин К.Ю., Феоничев А.Б.* Теоретические аспекты формирования концепта евразийской безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 4. С. 133–141. EDN: BOWRKQ. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-133-141
11. *Семененко И.С.* О природе политических изменений и подходах к их анализу // Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования : научная монография. М. : ИМЭМО РАН, 2014. 218 с. EDN: THMGKZ
12. *Согомонян В.Э.* Политика как сюжет. Драматургия современных предвыборных кампаний. М. : Альпина PRO, 2022. 131 с. ISBN: 978-5-206-00019-1.
13. *Фатенков А.* Культ безопасности как тоталитарная угроза // Философская антропология. 2021. Т. 7. № 2. С. 104–109. EDN: DVIETK. DOI: 10.21146/2414-3715-2021-7-2-104-109
14. *Хотулев А.С.* Цифровой разрыв как глобальное явление и вызов для России // Россия и современный мир. 2022. №1 (114). С. 45–62. EDN: XHZJZF. DOI: 10.31249/rsm/2022.01.03
15. *Худолей К.К., Колосков Е.А.* Политика России на Балканах: современное состояние и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 90–99. EDN: ERGICD. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-90-99
16. *Шумилов М.М., Шумилов Ю.М.* Внешние факторы армяно-азербайджанского конфликта в контексте второй карабахской войны // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 126–136. EDN: EJPREE. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-126-136
17. *Bigo D.* The (In)Securitization Practices of the Three Universes of EU Border Control: Military/Navy — Border Guards/Police — Database Analysts // Security Dialogue. 2014. Vol. 45. No. 3. P. 209–225. DOI: 10.1177/0967010614530459
18. *Booth K.* Theory of World Security. Aberystwyth : University of Wales Press, 2007.
19. *Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
20. *Buzan B., Wæver O., Wilde J. de.* Security: A New Framework for Analysis. London : Lynne Rienner Publishers, Inc. 1998.
21. *Carr E.H.* The Twenty Years' Crisis, 1919–1939. Reissued with a New Preface from Michael Cox. Palgrave Macmillan : London, 2016. DOI : 10.1057/978-1-349-95076-8
22. *Harari Y.N.* Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. Kindle Edition, 2016.
23. *Janowski Z.* Homo Americanus. The Rise of Totalitarian Democracy in America. South Bend : St. Augustine's Press, 2021.
24. *Luckham R.* Dilemmas of Military Disengagement and Democratization in Africa // IDS Bulletin. 1995. Vol. 26. No. 2. P. 49–61.

25. *Migdal J.S.* Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton : Princeton University Press, 1988.
26. *Palik J., Obermeier A.M., Rustad S.A.* Conflict Trends: A Global Overview, 1946–2022 // PRIO Paper, Oslo : PRIO, 2023.
27. *Rosenau J.N.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton : Princeton University Press, 1990.
28. *Roubini N.* MegaThreats: Ten Dangerous Trends That Imperil Our Future, And How to Survive Them. New York : Little, Brown and Company, 2022.
29. *Segal A.* The Hacked World Order: How Nations Fight, Trade, Maneuver, and Manipulate in the Digital Age. New York : Public Affairs, 2016.
30. *Stegen K.S.* Deconstructing the “Energy Weapon”: Russia’s Threat to Europe as Case Study // Energy Policy. 2011. Vol. 39. No. 10. P. 6505–6513.

Об авторах:

Гайдаев Олег Сергеевич, старший преподаватель кафедры международных отношений Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-5970-3726

Коваленко Владимир Дмитриевич, старший преподаватель кафедры международных отношений Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: kovalenko-vd@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-4260-8877

Лисенкова Алена Денисовна, старший преподаватель кафедры международных отношений Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
e-mail: alena.denisovna@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2457-3466

References

1. Baranov N.A. World Politics in Conditions of Geopolitical Uncertainty: Trends and Prospects // Political Expertise: POLITEX. 2023. Vol. 19. No. 3. P. 486–504. (In Russ.) EDN: UYTYSH. DOI: 10.21638/spbu23.2023.309
2. Bauman Z., Donskis L. Moral Blindness: The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity. Moscow: Ivan Limbakh Publ. House, 2019. 368 p. ISBN: 978-5-89059-355-9 (In Russ.).
3. Glazyev S.Yu. On the Sovereignty of the Eurasian Scientific and Educational Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 4. P. 9–10. (In Russ.) EDN: FVBZNP. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-9-10
4. Glazyev S.Yu. The Theory of Long-Term Technical and Economic Development. Moscow : VlaDar, 1993. 310 p. ISBN: 5-86209-003-7. (In Russ.) EDN: YSXIUU
5. Guskova E.Y. Balkan’s Experience in Peacekeeping // MGIMO Review of International Relations. 2018. Vol. 3. No. 60. P. 72–88. (In Russ.). EDN: YMZUUH. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-3-60-72-88
6. Demkin I.L. The Libyan Problem in the Foreign Policy of the EU Countries // Law and Power. 2022. No. 3. P. 3–8. (In Russ.) EDN: RVLWCJ
7. Konovalov V.N., Poghosyan G.K. The Nagorno-Karabakh Conflict in the Context of Securitization theory // Society: Politics, Economics, Law. 2020. No. 8 (85). P. 13–17. (In Russ.). EDN: OSMXUX. DOI: 10.24158/rep.2020.8.1
8. Korenev E.S. NATO’s Operations in Bosnia and Herzegovina in the Context of the Alliance’s Regional Strategy Realization in the Balkans in the 1990–2000s // Izvestiya of Saratov University. History. International

- Relations. 2017. Vol. 17. No. 2. P. 202–207. (In Russ.) EDN: ZGFWZB. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-202-207
9. Lisenkova A.D. The Alternative for Germany and the Left Parties in the Eastern States: Transformation of Electoral Preferences // Russian Journal of Regional Studies. 2023. Vol. 31. No. 3. P. 426–441. (In Russ.) EDN: RBFUJN. DOI: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441
 10. Meleshin K.Yu., Feonichev A.B. Theoretical Aspects of the Formation of the Concept of Eurasian Security // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 4. P. 133–141. (In Russ.) EDN: BOWRKQ. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-133-141
 11. Semenenko I.S. On the Nature of Political Changes and Approaches to Their Analysis // Political Change in a Global World: Theoretical and Methodological Problems of Analysis and Forecasting. Moscow : IMEMO RAS, 2014. 218 p. (In Russ.) EDN: THMGKZ
 12. Soghomonyan V.E. Politics as a Plot. The Dramaturgy of Modern Election Campaigns. Moscow : Alpina PRO, 2022. 131 p. ISBN: 978-5-206-00019-1. (In Russ.)
 13. Fatenkov A. The Cult of Security as a Totalitarian Threat // Philosophical Anthropology Scientific Web Journal. 2021. Vol. 7. No. 2. P. 104-109. (In Russ.) EDN: DVIETK. DOI: 10.21146/2414-3715-2021-7-2-104-109
 14. Khotulev A.S. Digital Gap as a Global Phenomenon and a Challenge for Russia // Russia and the Contemporary World. 2022. No. 1 (114). P. 45–62. (In Russ.) EDN: XHZJZF. DOI: 10.31249/rsm/2022.01.03
 15. Khudoley K.K., Koloskov E.A. Russian Policy in the Balkans: Current Situation and Perspectives // World Economy and International Relations. 2021. Vol. 65. No. 1. P. 90–99. (In Russ.) EDN: ERGICD. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-90-99
 16. Shumilov M.M., Shumilov Yu.M. External Factors of the Armenian-Azerbaijani Conflict in the Context of the Second Karabakh War // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 126–136. (In Russ.) EDN: EJPRRE. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-126-136
 17. Bigo D. The (In)Securitization Practices of the Three Universes of EU Border Control: Military/Navy — Border Guards/Police — Database Analysts // Security Dialogue. 2014. Vol. 45. No. 3. P. 209–225. DOI: 10.1177/0967010614530459
 18. Booth K. Theory of World Security. Aberystwyth : University of Wales Press, 2007.
 19. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
 20. Buzan B., Wæver O., Wilde J. de. Security: A New Framework for Analysis. London : Lynne Rienner Publishers, Inc. 1998.
 21. Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939. Reissued with a New Preface from Michael Cox. Palgrave Macmillan : London, 2016. DOI : 10.1057/978-1-349-95076-8
 22. Harari Y.N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. Kindle Edition, 2016.
 23. Janowski Z. Homo Americanus. The Rise of Totalitarian Democracy in America. South Bend : St. Augustine's Press, 2021.
 24. Luckham R. Dilemmas of Military Disengagement and Democratization in Africa // IDS Bulletin. 1995. Vol. 26. No. 2. P. 49–61.
 25. Migdal J.S. Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton : Princeton University Press, 1988.
 26. Palik J., Obermeier A.M., Rustad S.A. Conflict Trends: A Global Overview, 1946–2022 // PRIO Paper, Oslo : PRIO, 2023.
 27. Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton : Princeton University Press, 1990.
 28. Roubini N. MegaThreats: Ten Dangerous Trends That Imperil Our Future, And How to Survive Them. New York : Little, Brown and Company, 2022.
 29. Segal A. The Hacked World Order: How Nations Fight, Trade, Maneuver, and Manipulate in the Digital Age. New York : Public Affairs, 2016.

30. Stegen K.S. Deconstructing the “Energy Weapon”: Russia’s Threat to Europe as Case Study // Energy Policy. 2011. Vol. 39. No. 10. P. 6505–6513.

About the authors:

Oleg S. Gaidaev, Senior Lecturer of the Department of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Candidate of Political Sciences; e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-5970-3726

Vladimir D. Kovalenko, Senior Lecturer of the Department of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: kovalenko-vd@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-4260-8877

Alena D. Lisenkova, Senior Lecturer of the Department of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Candidate of Political Sciences; e-mail: alena.denisovna@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2457-3466